

Художественная выставка в Петербурге

Май и июнь 1859 года

М. Л. Михайлов. Сочинения в трех томах.
Том третий. Критика и библиография. <Записки>
М., ГИХЛ, 1958
[OCR Бычков М. Н.](#)

Время, когда литературная критика ограничивалась важными рассуждениями о слоге и грамматической правильности языка разбираемых произведений, не обращая большого внимания на их внутренний смысл, давно миновало. Красота стиля, благозвучные фразы, стройное согласование слов и проч. и проч. -- могли, разумеется, дорого цениться в такую пору, когда язык не был еще достаточно выработан для принятия в себя серьезного содержания. Тогда, конечно, могло иметь значение большее или меньшее умение покорять своей мысли этот еще грубый и неподатливый материал. Но это время даже для русской литературы -- время давно прошедшее. Теперь никто не способен повторять с восторгом, как музыку какую-нибудь, фразы вроде: "Раздался звук вечерового колокола, и дрогнули сердца в Нове-городе", или восхищаться звукоподражательною красотой стихов вроде: "От топота копыт пыль по полю летит". Мало того, никого не удивит в поэме звучность стиха и богатство рифмы, в комедии или романе -- меткость языка действующих лиц. Заставить говорить в повести крестьянина крестьянским языком, мещанина -- мещанским, и т. д., не составляет уже ровно никакой заслуги в наше время. Ведь я не стану изображать лиц, которых никогда не видал и не слышал. А если я их видел и слышал да у меня есть хоть малая доля художественного такта, то что же тут такого особенного, что я крестьянскую девушку не заставляю выражаться языком "Бедной Лизы" и что какой-нибудь староста Ефим у меня просто-напросто староста Ефим, а не добродетельный Фрол Силин. Надеюсь, что никто не станет осыпать меня за это похвалами. Все это еще не достоинства при известной степени развития литературы. Предположим, что я до тонкости изучил, знаю всю обстановку изображаемых мною лиц, что они говорят у меня точь-в-точь так, как в действительности, что самый строгий судья отдаст мне в этом полную справедливость; но если я в этой обстановке, в этом языке видел только предмет для своей копировки и не вдумался в самую жизнь, проявившуюся и в том и в другом, всякий назовет мертвечиной мое изображение и скажет мне: "Уж лучше бы вы не так все подробно рассказывали, а дали мне всего две-три, да самые яркие подробности; лучше бы вы не так рабски верно передавали эти фразы и выражения, да я бы узнал из них что-нибудь побольше того, что в Усть-Сысольске, Царевококшайске или где там хотите говорят *гоже* вместо *хорошо*, *надысь* вместо *на днях* и т. п.". Изображение русского быта "Казака Луганского" может быть вернее в мелких подробностях изображений того же быта Тургенева; но за всю кипу сочинений г. Даля нельзя отдать одного рассказа из "Записок охотника". Скажут: все зависит от таланта. Разумеется, талант великое дело; но и развитие в уровень с требованиями времени и понимание явлений жизни, а не мелочная их копировка, --- что-нибудь да значат. Или это пустяки?

К пластическим искусствам критика нашего времени может и должна быть еще строже, чем к литературе. Русской живописи, например, нечего трудиться над своею материальной стороной так, как трудилась русская литература над языком. В этом отношении все народы -- земляки, и что сделано по этой части итальянцами, фламандцами, французами, того нам делать сызнова нечего. Нам надо продолжать пройденный европейским искусством путь, а не повторять его. Само собою разумеется, характер нашего искусства должен быть иной, как иная у нас национальность, иная история, иные географические условия. Космополитизм невозможен пока еще и в живописи. Зурбаран мог явиться только в монашеской Испании; Жерар Доу и Метсу не нашли бы в Италии пищи своему тихому вдохновению. Каков будет характер русской живописи, судить еще нельзя; но что мы не ограничимся только повторением сделанного до нас, в этом нам порукой картина Иванова, за которою осталось первое место на выставке, как во всем, что до сих пор произвела русская живопись.

Странное чувство овладело нами, когда от "Явления Мессии" Иванова мы пошли по остальным залам академии. От произведения, которое представляет последний шаг современного искусства и открывает ему новые пути, мы, казалось, перешли к коллекции каких-то инкунабул. О картине Иванова уже много было у нас писано, хотя сказано еще далеко не все, что бы следовало. Речь о ней завела бы нас